

- [Александр Сергеевич Пушкин](#)
    -
    - [Примечания](#)
    - [Из ранних редакций](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
-

Александр Сергеевич Пушкин

ГРАФ НУЛИН

Пора, пора! рога трубят;
Псаря в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.
Выходит барин на крыльцо,
Всё, подбочась, обзревает;
Его довольное лицо
Приятной важностью сияет.
Чекмень затянутый на нем,
Турецкой нож за кушаком,
За пазухой во фляжке ром,
И рог на бронзовой цепочке.
В ночном чепце, в одном платочке,
Глазами сонными жена
Сердито смотрит из окна
На сбор, на псарную тревогу...
Вот мужу подвели коня;
Он холку хватить и в стремя ногу,
Кричит жене: не жди меня!
И выезжает на дорогу.

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег
Да вой волков. Но то-то счастье
Охотнику! Не зная нег,
В отъезде поле он гарцует,
Везде находит свой ночлег,
Бранится, мокнет и пирует
Опустошительный набег.

А что же делает супруга

Одна в отсутствии супруга?
Занятий мало ль есть у ней:
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обед и ужин,
В анбар и в погреб заглянуть, —
Хозяйки глаз повсюду нужен:
Он вмиг заметит что-нибудь.

К несчастью, героиня наша...
(Ах! я забыл ей имя дать.
Муж просто звал ее Наташа,
Но мы — мы будем называть
Наталья Павловна) к несчастью,
Наталья Павловна совсем
Своей хозяйственной частью
Не занималась, затем,
Что не в отеческом законе
Она воспитана была,
А в благородном пансионе
У эмигрантки Фальбала.

Она сидит перед окном;
Пред ней открыт четвертый том
Сентиментального романа:
*Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двух семей.* —
Роман классической, старинный,
Отменно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Без романтических затей.
Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругом мальчишки хохотали.
Меж тем печально, под окном,
Индейки с криком выступали

Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже;
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор;
Погода становилась хуже:
Казалось, снег идти хотел...
Вдруг колокольчик зазвенел.

Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот, верно, знает сам,
Как сильно колокольчик дальный
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой?..
Уж не она ли?.. Боже мой!
Вот ближе, ближе... сердце бьется...
Но мимо, мимо звук несется,
Слабей... и смолкнул за горой.

Наталья Павловна к балкону
Бежит, обрадована звону,
Глядит и видит: за рекой,
У мельницы, коляска скачет.
Вот на мосту — к нам точно... нет,
Поворотила влево. Вслед
Она глядит и чуть не плачет.

Но вдруг... о радость! косогор;
Коляска на бок. — «Филька, Васька!
Кто там? скорей! Вон там коляска.
Сейчас везти ее на двор
И барина просить обедать!
Да жив ли он?.. беги проведать!
Скорей, скорей!»

Слуга бежит.

Наталья Павловна спешит
Взбить пышный локон, шаль накинуть,
Задернуть завес, стул подвинуть,

И ждет. «Да скоро ль, мой творец?»
Вот едут, едут наконец.
Забрызганный в дороге дальней,
Опасно раненый, печальный
Кой-как тащится экипаж;
Вслед барин молодой хромает.
Слуга-француз не унывает
И говорит: allons, courage!^[1]
Вот у крыльца, вот в сени входят.
Покаместь барину теперь
Покой особенный отводят
И настежь отворяют дверь,
Пока Ricard шумит, хлопочет,
И барин одеваться хочет,
Сказать ли вам, кто он таков?
Граф Нулин, из чужих краев,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков à jour^[2],
С ужасной книжкой Гизота,^[3]
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скотта,
С bon-mots^[4] парижского двора,
С последней песней Беранжера,
С мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera.^[5]

Уж стол накрыт; давно пора;
Хозяйка ждет нетерпеливо.
Дверь отворилась, входит граф;
Нагалья Павловна, привстав,
Осведомляется учтиво,
Каков он? что нога его?

Граф отвечает: ничего.
Идут за стол; вот он садится,
К ней подвигает свой прибор
И начинает разговор:
Святую Русь бранит, дивится,
Как можно жить в ее снегах,
Жалеет о Париже страх.
«А что театр?» — О! сиротеет,
C'est bien mauvais, ça fait pitié.^[6]
Тальма совсем оглох, слабеет,
И мамзель Марс — увы! стареет.
Зато Потье, le grand Potier!^[7]
Он славу прежнюю в народе
Доныне поддержал один.
«Какой писатель нынче в моде?»
— Всё d'Arlincourt и Ламартин. —
«У нас им также подражают».
— Нет? право? так у нас умы
Уж развиваться начинают?
Дай бог, чтоб просветились мы! —
«Как тальи носят?» — Очень низко,
Почти до... вот, по этих пор.
Позвольте видеть ваш убор;
Так... рюши, банты, здесь узор;
Всё это к моде очень близко. —
«Мы получаем Телеграф».
Ага! Хотите ли послушать
Прелестный водевиль? — И граф
Поет. «Да, граф, извольте ж кушать».
Я сыт и так. —

Изо стола

Встают. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Граф, о Париже забывая,
Дивится: как она мила!
Проходит вечер неприметно;
Граф сам не свой; хозяйки взор
То выражается приветно,

То вдруг потуплен безответно...
Глядишь — и полночь вдруг на двор.
Давно храпит слуга в передней,
Давно поет петух соседний,
В чугунову доску сторож бьет;
В гостиной свечки догорели.
Наталья Павловна встает:
«Пора, прощайте: ждут постели.
Приятный сон!..» С досадой встав,
Полувлюбленный, нежный граф
Целует руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведет?
Проказница — прости ей, боже! —
Тихонько графу руку жмет.

Наталья Павловна раздета;
Стоит Параша перед ней.
Друзья мои, Параша эта
Наперсница ее затей;
Шьет, моет, вести переносит,
Изношенных капотов просит,
Порою с барином шалит,
Порой на барина кричит
И лжет пред барыней отважно.
Теперь она толкует важно
О графе, о делах его,
Не пропускает ничего —
Бог весть, разведать как успела.
Но госпожа ей наконец
Сказала: «полно, надоела!» —
Спросила кофту и чепец,
Легла и выдти вон велела.

Своим французом между тем
И граф раздет уже совсем.
Ложится он, сигару просит,
Monsieur Picard ему приносит
Графин, серебряный стакан,
Сигару, бронзовый светильник,

Щипцы с пружиной, будильник
И неразрезанный роман.

В постеле лежа, Вальтер-Скотта
Глазами пробегает он.
Но граф душевно развлечен...
Неугомонная забота
Его тревожит; мыслит он:
«Неужто вправду я влюблен?
Что, если можно?.. вот забавно!
Однако ж это было б славно;
Я, кажется, хозяйке мил», —
И Нулин свечку погасил.

Несносный жар его объемлет,
Не спится графу — бес не дремлет
И дразнит грешною мечтой
В нем чувства. Пылкий наш герой
Воображает очень живо
Хозяйки взор красноречивый,
Довольно круглый, полный стан,
Приятный голос, прямо женский,
Лица румянец деревенский
Здоровье краше всех румян.
Он помнит кончик ножки нежной,
Он помнит: точно, точно так,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; он дурак,
Он должен бы остаться с нею,
Ловить минутную затею.
Но время не ушло. Теперь
Отворена, конечно, дверь —
И тотчас, на плеча накинув
Свой пестрый шелковый халат
И стул в потемках опрокинув,
В надежде сладостных наград,
К Лукреции Тарквиний новый
Отправился, на всё готовый.

Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идет,
Полузажмурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.

Влюбленный граф в потемках бродит,
Дорогу ощупью находит.
Желаньем пламенным томим,
Едва дыханье переводит,
Трепещет, если пол под ним
Вдруг заскряпит... вот он подходит
К заветной двери и слегка
Жмет ручку медную замка;
Дверь тихо, тихо уступает;
Он смотрит: лампа чуть горит
И бледно спальню освещает;
Хозяйка мирно поживает,
Иль притворяется, что спит.

Он входит, медлит, отступает —
И вдруг упал к ее ногам...
Она... Теперь, с их позволения,
Прошу я петербургских дам
Представить ужас пробужденья
Натальи Павловны моей
И разрешить, что делать ей?

Она, открыв глаза большие,
Глядит на графа — наш герой
Ей сыплет чувства выписные
И дерзновенною рукой
Коснуться хочет одеяла,
Совсем смутив ее сначала...
Но тут опомнилась она,
И, гнева гордого полна,

А впрочем, может быть, и страха,
Она Тарквинию с размаха
Дает — пощечину. Да, да,
Пощечину, да ведь какую!

Сгорел граф Нулин от стыда,
Обиду проглотив такую;
Не знаю, чем бы кончил он,
Досадой страшною пылая,
Но шпиц косматый, вдруг залая,
Прервал Параша крепкий сон.
Услышав граф ее походку
И проклиная свой ночлег
И своенравную красотку,
В постыдный обратился бег.

Как он, хозяйка и Параша
Проводят остальную ночь,
Воображайте, воля ваша!
Я не намерен вам помочь.

Восстав поутру молчаливо,
Граф одевается лениво,
Отделкой розовых ногтей,
Зевая, занялся небрежно,
И галстук вяжет неприлежно,
И мокрой щеткою своей
Не гладит стриженных кудрей.
О чем он думает, не знаю;
Но вот его позвали к чаю.
Что делать? Граф, преодолев
Неловкий стыд и тайный гнев,
Идет.

Проказница младая,
Насмешливый потупя взор
И губки алые кусая,
Заводит скромно разговор
О том, о сем. Сперва смущенный,

Но постепенно ободренный,
С улыбкой отвечает он.
Получаса не проходило,
Уж он и шутит очень мило,
И чуть ли снова не влюблен.
Вдруг шум в передней. Входят. Кто же?
«Наташа, здравствуй.»

— Ах, мой боже!

Граф, вот мой муж. Душа моя,
Граф Нулин. —

«Рад сердечно я...

Какая скверная погода!
У кузницы я видел ваш
Совсем готовый экипаж.
Наташа! там у огорода
Мы затравили русака...
Эй, водки! Граф, прошу отведать:
Прислали нам издалека.
Вы с нами будете обедать?» —
— Не знаю, право, я спешу.
«И, полно, граф, я вас прошу.
Жена и я, гостям мы рады.
Нет, граф, останьтесь!»

Но с досады

И все надежды потеряв,
Упрямится печальный граф.
Уж подкрепив себя стаканом,
Пикар кряхтит за чемоданом.
Уже к коляске двое слуг
Несут привинчивать сундук.
К крыльцу подвезена коляска,
Пикар всё скоро уложил,
И граф уехал... Тем и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена всё мужу рассказала
И подвиг графа моего

Всему соседству описала.
Но кто же более всего
С Натальей Павловной смеялся?
Не угадать вам. Почему ж?
Муж? — Как не так! совсем не муж.
Он очень этим оскорблялся,
Он говорил, что граф дурак,
Молокосос; что если так,
То графа он визжать заставит,
Что псами он его затравит.
Смеялся Лидин, их сосед,
Помещик двадцати трех лет.

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво.

Примечания

Написано в конце 1825 г., напечатано в 1827 г. Первая реалистическая поэма Пушкина. В «Графе Нулине» в живых, точных и в то же время поэтических картинах показана русская природа, жизнь и быт самых обыкновенных, ничем не выдающихся людей. Они привлекают теперь поэта, поставившего себе новую задачу — познать, закрепить в слове, поэтическом образе не только экзотику и романтику, а весь обширный мир, окружающий его. Пушкин здесь полностью отходит от возвышенного, «романтического» стиля и говорит простым, почти разговорным стилем, но в то же время высокопоэтическим, с быстрыми переходами от легкого шутливого тона к проникновенно-лирическому («Кто долго жил в глуши печальной...» и т. д.). «Граф Нулин» — единственная из четырех шутливых поэм Пушкина, в которой шутка, легкомысленный сюжет — не являются оружием в серьезной литературной или политической борьбе (в «Руслане и Людмиле» — против реакционного романтизма, в «Гавриилиаде» — против правительственного реакционного ханжества, в «Домике в Коломне» — против реакционных критиков-моралистов). Здесь Пушкин только иногда как бы слегка поддразнивает читателей и критиков, не привыкших к поэтическому воспроизведению обыденности. Сюда относится, например, сцена первого появления героини поэмы — не ночью, при луне, в поэтической обстановке, как было принято в романтической поэме, а в заспанном виде, «и ночном чепце, в одном платочке»; описание заднего двора усадьбы, или такие небывалые еще в поэме стихи:

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно, грязь, ненастье

и т. д.

В заметке о «Графе Нулине» (1830) Пушкин указывает, что его поэма представляет собой пародию на шекспировскую поэму «Лукреция», написанную на сюжет римской легенды об изгнании царей: сын царя Тарквиния Гордого Тарквиний обесчестил Лукрецию, жену находившегося на войне Коллатина. Лукреция закололась, а Коллатин и его друг Брут

подняли народное восстание, кончившееся изгнанием царей. В упомянутой заметке Пушкин полушутя говорит «о мелких причинах великих последствий». «Я подумал, — пишет он, — что, если бы Лукреции пришло в голову дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола^[8] не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те... Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть».

Некоторые места в «Графе Нулине» действительно представляют собой остроумную пародию шекспировской поэмы. Вряд ли, однако, можно всерьез принимать слова Пушкина, что основной смысл «Графа Нулина» в пародировании мало кому известной поэмы Шекспира. Нет сомнения, что без этого указания самого поэта никому из исследователей не пришло бы в голову сделать подобные сопоставления — настолько далека «Лукреция» Шекспира от поэмы Пушкина и по сюжету и по всему характеру. Правдоподобным кажется такое объяснение происхождения поэмы.

Летом 1824 г. Пушкин был сослан Александром I в деревню Михайловское без права выезда оттуда. На хлопоты друзей о возвращении его, на прошения самого Пушкина и его матери всякий раз следовал отказ. Пушкин задумал, получив разрешение, поехать для операции аневризма в Ревель и убежать оттуда за границу, но проведавшие об этом его друзья помешали его замыслу. Он пытался, переодевшись слугой, бежать за границу — и эта попытка не удалась. Положение свое Пушкин считал безнадежным, так как он знал упрямство Александра I и ненависть его к себе. И вдруг в начале декабря он получает известие о неожиданной смерти Александра I в Таганроге. Непредвиденность этого события, которое, как он был уверен, сулило ему скорое освобождение (Пушкин не знал о близком выступлении декабристов), и радость его по этому поводу и были, видимо, причиной как создания «в два утра» веселой, беззаботной поэмы, так и размышлений о громадной роли случайностей в жизни человека и в истории.

Ожесточенные нападки реакционной критики на «Графа Нулина», главным образом за его «безнравственность», «бессодержательность», за введение в «высокую» поэзию «прозаических» объектов изображения очень волновали Пушкина. В рукописях его сохранились интересные рассуждения на эту тему, в которых в связи с критикой «Графа Нулина» поэт затрагивает серьезные вопросы о задачах литературы, о

нравственности и нравов учения в литературе и т. п.

Из ранних редакций

После стиха «Не спится графу — бес не дремлет... » в рукописи следовало:

Вертится Нулин — грешный жар
Его сильней, сильней объемлет,
Он весь кипит как самовар,
Пока не отвернула крана
Хозяйка нежною рукой,
Иль как отверстие волкана,
Или как море над грозой,
Или... сравнений под рукой
У нас довольно, — но сравнений
Бойтся мой смиренный гений:
Живей без них рассказ простой.
В потемках пылкий наш герой
Теперь воображает живо
Хозяйки взор красноречивый

После стиха «Отправился, на все готовый...»:

Граф *местной памяти* орган
Имел по Галевой примете,
Он в темноте, как и при свете,
Нашел бы дверь, окно, диван.
Он чуть дыханье переводит,
Желаньем пламенным томим
(Или боязнию). Пол под ним
Скрыпит. Украдкой он подходит
К безмолвной спальне. «Здесь она!
Ждет, нетерпения полна,
Ее склонить не будет трудно!..»
Глядит, однако ж это чудно:
Дверь заперта! Герой слегка

Жмет ручку медную замка

После стиха «Не гладит стриженных кудрей»:

К хозяйке как ему явиться,
Не покраснев? Что скажет ей?
Не лучше ль, мыслит, в путь пуститься?
Да не готово колесо.
Какая мука это все!
За чьи грехи я погибаю?
Но вот его позвали к чаю

---

notes

1

Ну, смелей! (франц.)

2

Прозрачных (ажурных) (*франц.*).

С ужасной книжкой Гизота — Французский историк и политический деятель Франсуа Гизо (Guizot) в это время подвергался преследованиям французского королевского правительства за свои политические брошюры и книги, где доказывал обреченность монархического режима.

4

Остротами (франц.).

И так далее, и так далее (*франц.*).

6

Он очень плох, он просто жалок (*франц.*).

Великий Потье! (франц.).

У Пушкина ошибка: надо Коллатин.